

Шэнь Чан Ань думал, что сон, как это часто бывало в последнее время, не придёт, что он будет ворочаться с боку на бок, перебирая в голове тревожные мысли. Но, вопреки ожиданиям, слушая ровный, убаюкивающий шум дождя за окном, он провалился в сон быстро и незаметно. Спал он в эту ночь на удивление крепко, глубоко и без сновидений, словно провалился в тёплую, ласковую бездну, и проснулся только на следующее утро, когда лучи солнца, пробившись сквозь поредевшие тучи, уже всю золотили стены комнаты, а часы показывали начало десятого.

Встав с постели, он снова принял душ – на этот раз прохладный, бодрящий, – и переоделся в свежую чёрную рубашку. Затем, помедлив мгновение, толкнул дверь спальни, которая в иных обстоятельствах могла бы принадлежать его родителям, но в действительности являлась чем-то вроде домашнего мемориала. Там, в старом полированном шкафу, теперь хранились кое-какие вещи, оставшиеся после них: стопка выцветшей одежды, старая фотокамера, несколько книг. А на стене, в простых деревянных рамках, висели их чёрно-белые фотографии – молодые, улыбающиеся, застывшие в вечности.

– Пап, – тихо произнёс Шэнь Чан Ань, опускаясь на старый скрипучий стул. Его голос в пустой комнате прозвучал глухо и сиротливо. – Письмо, которое ты написал когда-то мне и маме... Мама его уже не прочитает. Никогда, – он горько усмехнулся собственным словам, эхо которых растворилось в тишине. – Но если только... если только после смерти что-то всё-таки остаётся, если души живы и могут говорить друг с другом... Тогда прочитай его маме сам. Обязательно прочитай. А то она всю жизнь твердила, что ты совсем, ну совсем не умеешь быть романтичным, что слов ласковых от тебя не дождёшься.

Он снова усмехнулся – на этот раз ещё горше, ещё безнадежнее, – взял с подоконника мягкую тряпочку и бережно, с какой-то особой, трепетной нежностью, стёр невидимую, почти мифическую пыль со стекла, прикрывающего фотографии.

– Ладно, что уж теперь... – прошептал он, обращаясь уже не столько к родителям, сколько к самому себе. – Всё равно, сколько бы я тут ни говорил, сколько бы ни рассказывал, вы меня уже не услышите. Никогда.

В этот момент в дверь настойчиво, требовательно постучали. Шэнь Чан Ань вздрогнул, отложил тряпку, вышел в прихожую и, повернув замок, открыл дверь. На пороге, в свете утреннего солнца, стояли четверо мужчин. Все как один – крепкого телосложения, с жёсткими, обветренными лицами, одетые в простую, но опрятную гражданскую одежду. Тот, что стоял впереди, бережно, словно величайшую драгоценность, держал в руках небольшую, искусно сделанную деревянную шкатулку. На улице уже давно выглянуло солнце, но лужи ещё блестели после вчерашнего ливня, однако на шкатулку, которую мужчина прижимал к груди, не попало ни единой пылинки, ни единой капли – он словно заслонял её от всего мира собственным телом.

– Позвольте узнать, Вы и будете товарищ Шэнь Чан Ань? – спросил мужчина, бережно сжимающий шкатулку. В его голосе, низком и чуть хрипловатом, слышалась какая-то особая, почти благоговейная осторожность, а тёмные глаза смотрели на хозяина квартиры с напряжённым, тревожным вниманием.

- Да, это я. Проходите, пожалуйста, в дом, - Шэнь Чан Ань отступил вглубь прихожей, жестом приглашая неожиданных гостей войти. Когда дверь за последним из них закрылась, отрезав их от внешнего мира, мужчина, который до этого стоял во главе процессии, сделал шаг вперёд и обеими руками, на вытянутых руках, почтительно, как священный дар, вручил шкатулку Шэнь Чан Аню.

- Встать смирно! - скомандовал он вдруг зычным, непривычным для мирной обстановки голосом. Четверо мужчин мгновенно вытянулись по струнке, словно по команде "смирно!".

- Отдать честь!

И в следующую секунду все четверо, синхронно, без малейшей заминки, вскинули правые руки к вискам, застыв в торжественном, скорбном приветствии. Это был не просто жест вежливости - это было воинское приветствие, отдавание последних почестей.

Шэнь Чан Ань на мгновение опешил, застыл с шкатулкой в руках, но тут же, повинувшись какому-то внутреннему, инстинктивному порыву, крепче прижал её к груди и низко, в пояс, поклонился этим людям, ответив на их жест глубоким, исполненным достоинства поклоном. Шкатулка в его руках была почти невесомой, пустой на ощупь, но ему казалось, будто он держит в руках тяжесть в тысячу, нет, в десять тысяч цзиней (1) - тяжесть целой жизни, тяжесть памяти.

Он молча поставил шкатулку на журнальный столик, прошёл на кухню, налил гостям воды в чистые стаканы. Те молча, не проронив ни слова, уселись на краешек дивана, выпрямив спины, как аршин проглотили. Казалось, они и здесь, в мирной, уютной квартире, находятся в состоянии полной боевой готовности - каждый мускул напряжён, каждый взгляд насторожен.

Шэнь Чан Ань не спрашивал, кто эти люди, откуда они и как его нашли. Они, такие же молчаливые и замкнутые, как и он сам, тоже не спешили с объяснениями. На их тёмных, обветренных, словно выдубленных ветрами и солнцем лицах, на которых лежала печать суровой, полной опасностей жизни, читалась неприкрытая, искренняя тревога и какая-то глубокая, щемящая забота.

Наконец, повинувшись внутреннему импульсу, Шэнь Чан Ань протянул руку и откинул крышку шкатулки. Внутри, на бархатной подложке, лежали аккуратно сложенные вещи: пожелтевший от времени, потрёпанный по углам дневник в коленкоровой обложке, несколько самых обычных, дешёвых перьевых ручек, какие продавались в любом канцелярском магазине в начале двухтысячных, старые командирские часы на потёртом кожаном ремешке, какие-то награды, медали, значки... И - фотография отца.

На небольшом чёрно-белом снимке, пожелтевшем по краям, отец стоял посреди бескрайней жёлтой пустыни, на фоне барханов, уходящих за горизонт. Он широко, открыто, по-мальчишески задорно улыбался, сверкая ослепительно белыми зубами на загорелом, обветренном лице. Таким молодым, таким живым, таким полным сил и надежд он был на этом снимке, сделанном, казалось, в другой жизни.

---

1. 斤 (jīn) – цзинь или китайский фунт – мера веса, равная десяти лянм или половине килограмма на западный манер.

<http://bllate.org/book/16518/1504307>